

2. *Сахаров А.Д.*, Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда: Сб. / Сост. Е.Г. Боннэр, 2-е изд., М., Интер-Версо, 1991, С. 11-47.
3. *Фромм Э.*, Человек для себя: исследование психологических проблем этики, Минск, «Коллегиум», 1992, 253 с.

**«МЫ – ОНИ»: КАК УМЕРИТЬ НАСИЛИЕ?
(ОБ АГОНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ Ш. МУФФ)**

Н.Ж. Мкртчян

Ереванский государственный университет (Ереван, Россия)

naira.mkrtchyan@ysu.am

Аннотация: Если исходить из того, что существование насилия, особенно в его крайних формах, считается морально неприемлемым, а полное исчезновение – практически невозможным, то вопрос «Как можно его умерить?» имеет не только теоретическое, но, в первую очередь, практическое значение. В докладе рассматривается теория агонистической модели демократии пост-марксистского политического теоретика Шанталь Муфф, с точки зрения того, как эта модель отвечает на поставленный вопрос.

Անոտացիա: Ն. Ճ. Մկրտչյան: Մենք/Նրանք. Ինչպե՞ս սահմանափակել բռնությունը (Շ. Մուֆֆի ժողովրդավարության ագոնիստական մոդելի մասին): Եթե ելնել այն կանխադրյալից, որ բռնության գոյությունը, հատկապես իր ծայրահեղ ձևերում, բարոյական տեսանկյունից անընդունելի է, իսկ իսպառ բացակայությունը՝ գործնականորեն անհնար, ապա «ինչպե՞ս է հնարավոր բռնության սահմանափակումը» հարցն ունի ոչ միայն տեսական, այլ նախ և առաջ գործնական նշանակություն: Այս հոդվածը քննում է հետմարքսիստ քաղաքական տեսաբան Շանթալ Մուֆֆի ժողովրդավարության ագոնիստական մոդելի տեսությունը այն տեսանկյունից, թե ինչպես է վերջինս պատասխանում վերոնշյալ հարցին: Նպատակը ինչպես այս տեսության վերլուծությունն է այս հեռանկարից, այլև որոշ եզրակացությունների մեկնաբանությունը:

Abstract: N.ZH. Mkrtchyan. Us/Them: How to restrict violence? (On Ch. Mouffe’s Agonistic Model of Democracy). If to start from the assumption that the existence of violence, especially in its extreme forms, is considered as morally unacceptable and its full absence is practically impossible, then the question «how is it possible to restrict violence?» has not only a theoretical but first of all a practical importance. This paper examines the theory of an agonistic model of democracy by post-Marxist political theorist Chantal Mouffe in terms of how this model answers this question. The aim of the paper is to analyze it from this perspective as well as to interpret some of its inferences.

Вопрос о том, является ли применение насилия свойством человека (и соответственно, присущим человеческим сообществам) от природы или чем-то, что появилось с генезисом и становлением культуры, – едва ли не один из центральных не только в философии, но и в культурологии, психологии, теории права, государства и т. д. Ответ на него в первую очередь, а может быть в основном имеет мировоззренческое значение. Что касается появления исследовательского интереса к феномену насилия, то уже древнегреческие философы в какой-то мере рассматривают его в контексте социальных отношений [3, 215-351]. Но родоначальником традиции фундаментального исследовательского интереса с точки зрения становления и функционирования человеческих сообществ и социально-политических структур можно по праву считать Т. Гоббса. Именно ему удалось выявить центральное значение насилия в становлении и функционировании человеческих сообществ и сделать из него некую отправную точку, с чем не только можно, но и крайне необходимо иметь дело. Как известно, в его теории общественного договора в концепте естественного состояния, в котором ключевую роль играет идея «войны всех против всех», применение физической силы оправдано естественным законом. Но именно цель избежать такое применение, которое имеет наихудшие последствия для человека, вынуждает людей прийти к согласию и перейти от естественного состояния, т.е. от состояния неограниченного и повсеместного применения насилия, к гражданскому, т.е. ограниченному и, если применить идею М. Вебера, легитимному применению насилия, где основой мира является согласие (договор), а его поддержание опирается на государственную власть и государственные структуры [1, 95-110]. Х. Арндт считает, что подход к насилию как к некоему началу, конститутивному элементу политической организации, а стало быть, и культуры, и человеческого сообщества, довольно влиятелен [4, 20]. Гоббс, по сути, является одним из представителей этого подхода. Еще интереснее то, что установление общей власти и (позитивного) права, что является важной составляющей этого подхода, по мнению В. Беньямина, оказывается ничем иным, как, по-своему, приурочением насилия [5, 183-184].

Итак, во многом Гоббс определил не только круг вопросов, но и целую научную перспективу на насилие, ее роль в установлении и регулировании социальных отношений, на политическую власть и ее роль в социальном порядке. Но именно социально-политическая мысль XX в. предоставляет широкий спектр работ относительно того, как можно рассматривать насилие, его формы проявления и возможные трансформации. В. Беньямин, Х. Арндт, М. Фуко, И. Галтунг, З. Бауман – вот неполный список мыслителей, благодаря которым представление о насилии радикально изменилось. Этот, по сравнению с предыдущими столетиями, несоразмерно высокий интерес к насилию в первую очередь связан с историческими событиями XX в. – мировыми войнами, геноцидами, тоталитарными движениями и режимами, которые, широко пропагандируя ценности Просвещения, привели к трагедии глобального масштаба. Следует подчеркнуть, что в таком всплеске исследовательского интереса немало важную роль сыграла и готовность гуманитарных и социальных наук разносторонне рассмотреть феномен насилия. Можно утверждать, что с научно-

философской позиции, с продвижением цивилизации, насилие не только не исчезает, но и приобретает все более новые формы, и в социально-политическом аспекте общества вынуждены искать пути для того, чтобы его умирить.

В числе интересных подходов и перспектив в политической мысли XX-XXI вв. следует считать теорию агонистической модели демократии Шанталь Муфф. Эта модель была выдвинута в рамках проекта радикальной демократии, разработанного в 1980-х гг. в сотрудничестве с Э. Лаклау. В числе других вызовов, о которых далее пойдет речь, этот проект был инициирован и для преодоления кризиса в левых взглядах и реализован с помощью постструктуралистских инструментов [6, ххiii]. Один из вопросов, на который Муфф пытается дать ответ, связан с условиями установления и сохранения демократии. Последнее возможно, если в числе других условий есть (институциональные и приемлемые) пути осуществления демократического оспаривания политической власти. Политическая власть стремится к самосохранению, что с большой вероятностью может привести к установлению антидемократических политических режимов. В статье «К агонистической модели демократии» Ш. Муфф пишет: «Нам необходима демократическая модель, способная ухватить природу политического. Для этого необходима разработка подхода, в центре которого стоял бы вопрос о власти и антагонизме» [2, 192]. Отталкиваясь от этих суждений, можно предварительно утверждать, что в центре этой теории находятся по крайней мере три взаимосвязанных и основополагающих идеи – «политическое», «власть» и «антагонизм», которые, взятые вместе, некоторым образом предвосхищают картину социальной объективности.

В истории социально-политической мысли два из названных феноменов – власть и антагонизм – так или иначе ассоциируются с насилием. Власть, которая в некоторых теориях определяется как институционализируемая форма насилия, таким образом, отождествляется с насилием, а антагонизм, как противоборство сил, сторон как правило предполагает применение насилия. Пока невыясненным остается концепт «политического», который на первый взгляд кажется странным, учитывая факт наличия понятия «политики». Но уже очевидно, что с точки зрения модели агонистической демократии, социальная объективность расположена к таким практикам, которые придают насилию неизбежный характер. Чтобы выяснить, насколько глубоко оно вторгается в социальную ткань и как оно выражается, почему демократия, согласно Муфф, должна быть способной ухватить природу политического, следует более подробно рассмотреть концепт «политического».

В истории социально-политической мысли Х. Арендт считается основоположницей ассоциативной перспективы политического – того, что предполагает, скорее, кооперацию, нежели конфликты между людьми. В отличие от нее, К. Шмитт считается основоположником диссоциативной перспективы [7, 39-40]. Как известно, он считал, что истинно «политическое» выявляется только с помощью категорий «Друга» и «Врага», которые находятся, следуя логике категорий и их взаимоотношений, в противоборстве [8, 25-26]. Ориентируясь на последнюю перспективу, Муфф связывает «политическое» «с измерением антагонизма, который является неотъемлемой составляющей челове-

ческих отношений, антагонизма, который может принимать множество обли- чий и проявляться в различных типах социальных отношений» [2, 194].

Итак, насилие – один из центральных феноменов социальной объектив- ности в агонистической модели демократии, выявляющий ненадежный харак- тер социального порядка. Чем вызван этот антагонизм и насилие, как сопут- ствующее ему явление? Согласно Муфф, и вообще в проекте радикальной де- мократии, плюрализм ценностей – главная характеристика социальной объек- тивности, который, по сути, и является условием существования антагонизма [2, 195]. Имея за собой опыт западных обществ последних двух-трех столетий, которые отмечаются свойством усложнения своих структур и институтов, эта теория считает плюрализм ценностей естественным для западных обществ. Но базисом для «переговоров» между носителями разных ценностей, согласно Муфф, являются именно принципы свободы и равенства. Если исходить из то- го, как этот постмарксистский мыслитель развивает свои идеи, то очевидно, что эти принципы – одновременно и место для зарождения конфликтов, т.к. ин- терпретации этих принципов разные – либерально-консервативная, социал- демократическая, неолиберальная, радикально-демократическая. Каждая из этих интерпретаций предлагает свое собственное понимание «общего блага» и пытается установить особую форму гегемонии [2, 196], т.к. же умерить наси- лие, исключить (физическое) насилие? Как автор пытается по-своему «при- ручить» насилие?

В связи с разными интерпретациями принципов равенства и свободы, ведущими к соперничеству и антагонизму, жизненно важно, чтобы опреде- лилась политическая линия «Мы – Они». Муфф, конечно, понимает, что эта линия легко может интерпретироваться как водораздел между «другом» и «врагом». Но различие «Мы – Они» едва ли не один из основных меха- низмов интеграции и дезинтеграции в человеческих сообществах. Его функ- ционирование затрагивает их ключевую сторону: именно это различие помогает формировать идентичность у какого-либо сообщества, т.е. по край- ней мере временно определить кто – «Мы», и кто – «Они», тем самым опре- деляя линии сходства и несходства. В этом случае будет вполне приемлемым утверждение, что различие Мы/Они функционирует в континууме конф- ликт/кооперация, и именно это измерение наиболее полно выражает установку самой этой теории. Но чтобы глубже понять, почему для Муфф так важно это различие и какую роль оно играет в «агонистической модели» демократии, следует рассмотреть, вынужденно кратко, другую теорию демократии.

Муфф разворачивает свою идею агонистической модели демократии в полемике с довольно влиятельной моделью демократии, а именно, моделью «демократии обсуждения», которая представлена двумя мыслителями XX в. – Джоном Ролзом и Юргеном Хабермасом. Для нее в корне неприемлемо то видение социальной объективности, которое предлагается Муфф. «Их основ- ной тезис заключается в том, что, благодаря соответствующим процедурам об- суждения, можно достичь такого согласия, которое отвечало бы требованиям как рациональности, понимаемой, как защита либеральных прав, так и де- мократической легитимности, представленной народным суверенитетом. Они предлагают заново сформулировать демократический принцип народного су-

веренитета таким образом, чтобы устранить опасность, которую он мог бы представлять для либеральных ценностей» [2, 182]. Более того, для Муффа эта модель исключает возможность соперничества и пытается отрицать парадоксальную природу современной демократии и основное противоречие между логикой демократии и логикой либерализма.

То, что радикально отличает модель «агонистической демократии» от модели «демократии обсуждения», – это идеи невозможности, а также ненужности и опасности преодоления разногласий и установления полного согласия. Чем чревато это неприятие и отрицание? «Слишком сильный акцент на консенсусе и отказе от противоборства ведет к апатии и неудовлетворенности участием в политической жизни. Еще хуже то, что в результате может начаться кристаллизация коллективных страстей вокруг проблем, с которыми невозможно справиться посредством демократического процесса, и бурный рост антагонизмов, способных подорвать саму основу гражданственности» [2, 196]. Это тот тезис, на основе которого и Муффа, и Лаклау в последующем будут объяснять рост националистических настроений и идеологий. Но тогда остается вопрос: как можно умерить насилие? В связи с этим Муффа пишет: «Политика нацелена на создание единства в контексте конфликта и несходства; она всегда занимается созданием «нас» через определение «их». Новизна демократической политики состоит не в преодолении этого противопоставления Мы/Они (такое преодоление невозможно), а в иной форме его установления. Основная проблема заключается в установлении этого различия «Мы – Они» таким образом, чтобы оно было совместимо с плюралистической демократией» [2, 194].

Итак, перед нами две радикально различные перспективы на социальную объективность: одна, принимая различия и разногласия, считает, что они в виде конфликтов приведут к социальным катаклизмам, расшатают возможность социальной кооперации, тем самым угрожая существованию человеческих сообществ, следовательно, пути достижения согласия должны привести к миру, а другая, исходя из невозможности преодолеть эти различия и разногласия хотя бы частично, предлагает умерить неизбежное насилие другим путем. Для этого, применяя своеобразную словесно-понятийную игру, Муффа предлагает необходимые трансформации, затрагивающие несколько сторон в социальной объективности: «Антагонизм – это борьба между врагами, тогда как агонизм – это борьба между соперниками. Поэтому мы можем поставить нашу проблему иначе, сказав, что, с точки зрения «агонистического плюрализма», цель демократической политики состоит в преобразовании антагонизма в агонизм. Для этого необходимо создание каналов, посредством которых коллективные страсти получили бы возможность выражения по проблемам, которые, предоставляя достаточно возможностей для идентификации, конструировали бы противника не в качестве врага, а в качестве соперника» [2, 195]. Из этого можно заключить, что перед нами трансформация антагонизма в агонизм, врага – в соперника, которым автор сохраняет оживленную политическую жизнь. Если рассмотреть очевидные, объявленные пути того, как умерить насилие, то это каналы выражения коллективных страстей, в которых важна возможность идентификации. С их помощью соперник становится легитимным врагом, с

которым есть определенные точки соприкосновения – посредством этико-политических принципов либеральной демократии: свободы и равенства.

Итак, умерить насилие означает, в первую очередь, дать возможность выразиться всем разногласиям, разным подходам и интерпретациям принципов свободы и равенства; во-вторых, не пытаться их преодолеть, а, наоборот, способствуя установлению различия «Мы – Они», следует всеми институтами и практиками трансформировать врага в соперника, принимая его право иметь свою точку зрения; в-третьих, допустить временную гегемонию интерпретации принципов равенства и свободы одной группы над другими. Как можно истолковать такое решение выше поставленного вопроса? По существу, насилие не исчезает, а приобретает определенную форму – форму символического насилия, которая выражается в гегемонии одной группы над другой. Последнее, имея временный характер, открывает возможность исключения физического насилия. Эта мысленная фигура самоограничения насилия, с одной стороны, есть условие того, что политика не превратится в нечто другое, например, в этику или в экономику. С другой стороны, неизблемым остается принятие существования ценностного плюрализма. «Отстаивать гегемонистскую природу всякого социального порядка, – пишет Муфф, – значит производить смещение традиционного соотношения между демократией и властью... Признание основополагающей природы власти предполагает отказ от идеала демократического общества как осуществления совершенной гармонии или прозрачности. Общество может быть демократическим по своему характеру только тогда, когда ни один ограниченный социальный участник не может приписывать себе представительство тотальности и притязать на обладание основной «властью»» [2, 193].

Это своеобразное решение вопроса о том, как можно умерить насилие, открывает возможности для полемики с этой теорией и, как результат, для открытия новых путей решения данного жизненно важного вопроса.

Список литературы

1. *Гоббс Т.*, Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.*, Соч. в 2-х т., Т. 2 / Сост., ред. В. В. Соколов; Пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана, Москва, Мысль, 1991, С. 3-546.
2. *Муфф Ш.*, К агонистической модели демократии, *Логос*, 2004, № 2, С. 180-197.
3. *Платон.*, Государство / Пер. с др.-греч. А.Н. Егунова // *Платон*, Собр. соч. в 4-х т., Т. 3 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи, Москва, Мысль, 1994, С. 79-420.
4. *Arendt H.*, On Revolution, London, Penguin Books, 1990, 350 p.
5. *Benjamin W.*, Zur Kritik der Gewalt, *Gesammelte Schriften*, Vol. II.1, Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1999, S. 179-204.
6. *Laclau E., Mouffe Ch.*, Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics, New York, Verso, 2014, 197 p.

7. *Marchart O.*, Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Lefort, Badiou, and Laclau. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007, 198 p.
8. *Schmitt C.*, The Concept of the Political, Chicago, The University of Chicago, 2007, 126 p.

ВОСПРИЯТИЕ «ДРУГОГО» В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

Н.М. Мкртчян

Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)
ninam-1992@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрены определения западной и восточной культур в контексте восприятия «Другого». Проанализированы характерные особенности этих концепций в историческом дискурсе. Показано, что в процессе деконструкции Восток и Запад теряют свои дихотомические характеристики и начинают восприниматься как взаимно соотнесенные понятия. Эта перемена в восприятии Востока и Запада может способствовать ослаблению противостояния этих концептов как в массовом сознании, так и, что особенно важно, в сознании политиков.

Անոտացիա Ն. Մ. Մկրտչյան: Ուրիշի ընկալումը արևմտյան և արևելյան մշակույթների համատեքստում: Նշված աշխատանքում դիտարկվել են արևելյան և արևմտյան մշակույթների սահմանումները «Ուրիշի» ընկալման համատեքստում: Վերլուծվել են այդ հայեցակարգերի առանձնահատկությունները պատմական դիսկուրսում: Ցույց է տրվել, որ ապակառուցման համատեքստում Արևելքն ու Արևմուտքը կորցնում են իրենց հակադիր էությունը և դիտարկվում են որպես հարաբերական հասկացություններ: Կատարված հետազոտության արդյունքները թույլ են տալիս եզրակացնել, որ Արևելք-Արևմուտք հակադրության խնդիրը կարող է մեղմանալ գիտական նոր մոտեցումների համատեքստում:

Abstract: N.M. Mkrтчyan. Perception of the Other in the Context of the Eastern and Western Cultures. The definitions of western and eastern cultures are observed in the context of the perception of the «other» in this article. The characteristic features of these concepts in historical discourse are analyzed. It is shown that in the context of deconstruction «East» and «West» lose their dichotomous essence and are considered as relative concepts. It is proposed that the problem of the dichotomy East and West will be moderated in the context of new approaches.